

Миронова Мария Владимировна

Мария Владимировна МИРОНОВА

— человек поразительной по насыщенности и счастьем и горем судьбы. Сама звезда; она была женой и матерью звезд. И сегодняшняя ее жизнь, такая насыщенная и в Доме актера, где она директорствует (многие помнят кадры горького фильма, снятого после пожара — Дома актера на Тверской: по обгоревшим балкам первой отчаянно пробиралась, надев защитный шлем, восьмидесятилетняя Мария Владимировна) и в искусстве — она ведущая и любимая актриса театра под руководством Олега Табакова — в просторечье — «табакерки на Чапыгина», и в политике; и такая закрытая, одинокая в ее доме. Где она продолжает общаться с ними и, кажется, только с ними — ушедшими мужем и сыном, Александром Менакером и Андреем Мироновым.

...
— Когда мне бывает очень худо, я говорю им, ТУДА — «мальчики мои, родненькие, помогите». И они помогают. Они со мной. Всегда.

А в общении с людьми — чужим и своим — я не злой, потому что я прожила свою жизнь так, что всегда старалась не врать. Поэтому, может быть, и друзей у меня мало. Ведь самая страшная вещь — это правда. Я старалась всегда ее говорить. И заработала прозвище «Ведьма с голубыми глазами». Правда, шутливое.

Меня многое сегодня не скажу, что раздражает, но удивляет. Вот выступал Ярмольник и говорит: ну, я довольно известный артист. Я бы никогда не смогла заявить во всеулышание: знаете, я вот довольно известная Миронова. Но это частности. А вообще-то, что сейчас происходит. Мне напоминает анекдот: в сумасшедшем доме главный врач показывает посетителям своих подопечных. Спрашивают: кто вот этот? Почему он стоит, так скрепя на груди руки? «Думает, что он Наполеон! Хотя все знают, что Наполеон — это я!» Вот все вокруг мне кажется таким малоусовершенствованным сумасшедшим домом, у нас не довольствуются малым, а смотрят в котелок соседа. Впрочем, я мало общаюсь с людьми. Больше вспоминаю. Все, что

связано с прошлой. Я про... тины, потому и нынешнюю ситуацию воспринимаю так остро. Помню, нас 8 часов подряд бомбили под Осташковом, от города остались одни трубы да школа вдалеке. Я лежала, попав головой в дерьмо. А нас — с бреющего полета. Я лежала и все 8 часов думала о том, что не достала Андрюше теплой шапки... А потом мы захотели переползти в эту школу, и вдруг — прямое попадание туда фугасной бомбы. Какое счастье, что я лежала в дерьме, а не в школе — только и мелькнуло в голове. И снова: «как он будет без шапки?» Андрюша объездил почти весь мир, и не было дня, чтобы он не позвонил из любой страны... — «Мама, ну как ты!..» Как Андрюша относился к старикам! Он бросался перевести через дорогу. Он никогда не сидел, если старый человек стоял... Наверно, мы сумели отдать Андрюше большую часть себя. А сегодня дети видят, как родители стяжают жизнь для себя. Мне так кажется. И гонятся за тем, чтобы жить, как зазывает их «Холдинг-центр». И иметь толстый-толстый слой шоколада...

